

Петренко Д.А.

ОРФОЭПИЯ И СОЦИОФОНЕТИКА. ПРОБЛЕМЫ НОРМЫ И ВАРИАТИВНОСТИ

Целью статьи является дальнейшая разработка проблемы соотношения нормативности и варьирования в произношении с учетом ряда факторов, которые регулируют звуковую реализацию. Лингвисты столкнулись с необходимостью углубленного и всестороннего изучения проблем языковой вариативности, связанной с конкретными социальными признаками говорящих. Это касается также исследований в области социофонетики. До сих пор не решен вопрос об определении стилей произношения и выделением критериев их дифференциации.

Для выявления отклонений от нормы в рамках того или иной вариации применяется сопоставительный анализ, позволяющий выявить тождественные (интегративные) и различающиеся (дифференциальные) признаки сравниваемых фактов языка. Данный метод дает возможность исследовать структурные особенности определенных речевых разновидностей, на основании которых может быть разработана классификация фонетических стилей.

По мнению В.А. Хомякова, социальная норма литературного языка противостоит норме разговорного языка. Обе нормы сосуществуют в пределах национального языка [1, с. 50]. При рассмотрении проблем развития и функционирования современного немецкого языка в Германии необходимо подчеркнуть, что изучение социально обусловленной вариативности немецкого языка на фонетико-фонологическом уровне исходит из понимания национального языка как целостной структуры.

Подобный подход позволяет объединить три аспекта дифференциации современного немецкого языка - а) диатопическую (вертикальную) – формы существования, включающие в себя литературный, разговорный язык и местные диалекты; б) диастратный (горизонтальный) – характеризующийся взаимодействием социальных факторов и проявляющийся в существовании таких вариаций, как, например, социолекты, сексолекты, аннолекты, идиолекты; в) диафазный (функциональный), определяемый ситуативными факторами и подразумевающий наличие различных стилистических уровней в пределах разных вариаций.

Среди первооткрывателей в области исследования произносительных особенностей разговорной немецкой речи можно считать Г.Майнхольда, монография которого “Deutsche Standardausssprache. Lautschwächungen und Formstufen”, посвящена реализации фонем в разных стилях речи. В результате проведенных исследований Г.Майнхольд приходит к выводу о том, что индикатором определенного произносительного стиля может служить степень редукции конечных слоговых структур – [ɔn], [ɔm], [ɔl], [ɔt]; фрикатизация смычных согласных, оглушение звонких и озвончение глухих согласных, выпадение звуков, а также распространенность в речи “слабых форм” [2]. Анализ произношения дикторов радио, проведенный с опорой на кодифицированную норму, позволил, например, Ф.Шиндлеру установить отклонение от произносительной немецкой нормы в среднем на 17-19%. [3, с. 79]. Естественно предположить, что в реальной неподготовленной речи носителей языка процент отклонений от орфоэпической нормы будет еще больше и область варьирования сегментов гораздо шире. На это указывают и исследования немецкой спонтанной речи, проведенные в последние годы [4].

Как подчеркивает В.М.Бухаров, особый интерес в данном плане представляет фонологическая система немецкого языка, формирование стандартной вариации которой проходило и проходит практически на глазах исследователей [5, с. 3-4]. Диалектная разобщенность буквально вынудила озабоченных этой проблемой деятелей театра и фонетистов разработать в конце прошлого столетия предписания для единой нормы. Появившись чуть более 100 лет назад, произносительный стандарт Т.Зибса не смог остаться неизменным. Соприкоснувшись с реальной жизнью языка, нормативный конструкт оказался под воздействием факторов, определяющих его функционирование и прежде всего двух основных тенденций: унификации различий в произношении, присущих тому или иному региону и проникновения диалектной и социолектной подосновы в формирующийся стандарт. В такой ситуации трудно было ожидать безоговорочного признания предписаний Т.Зибса на всей территории, разделенной к тому же национально-государственными границами.

Классификация лингвистических наук, в том числе и фонетики, предполагает противопоставление синхронии и диахронии, внутренней и внешней лингвистики. А.А.Соколянский, например, представляет это схематически следующим образом [6]:

Таблица 1.

Ф о н е т и к а			
синхронная фонетика		диахроническая фонетика	
<i>Описательная фонетика</i>	<i>Социальная (теоретическая) + (прикладная = орфоэпия)</i>	<i>Описательная (=историческая фонетика)</i>	<i>Социальная (=историческая орфоэпия)</i>

Становление и развитие описательной синхронной фонетики связывают часто с именем В.К.Тредиаковского, опубликовавшего в 1748 году свой знаменитый “Разговор об орфографии...” Возникновение исторической фонетики традиционно относят ко времени формирования сравнительно-исторического языкознания. Появление синхронной социальной фонетики происходит намного позднее.

Во Франции и в России, например, она возникает и развивается в форме орфоэпии как научное направление чисто прикладного характера. Одно из первых эмпирических исследований в области синхронной социофонетики принадлежит Л.Гоша [7, с. 16–17]. Результаты проведенного анализа отразили целый ряд парадоксов, связанных с развивающимися языковыми изменениями [8, с. 368]. Автором было обнаружено, что в Шармее, небольшом поселке французской Швейцарии, представители пяти различных поколений совершенно по-разному произносили пять гласных и один согласный. Л.Гоша рассматривает этот

факт как указание на развивающееся лингвистическое изменение.

Три десятилетия спустя Э.Германн установил, что за прошедшее время четыре из отмеченных Л.Гоша реализаций действительно получили дальнейшее развитие [9, с. 457]. Стало понятно, что обнаруженные и систематизированные Л.Гоша произносительные формы нельзя оценивать в рамках традиционных представлений.

В.И.Чернышев, стоявший у истоков синхронной социальной фонетики, рассматривал ее только с нормативных позиций. В 1906 году он издает свой главный труд по орфоэпии: “Законы и правила русского произношения” [10, с. 51]. В предисловии к данной работе автор говорит исключительно о практической орфоэпии. Аналогичный подход характерен и для работ Д.Н.Ушакова. В одном из своих главных трудов по орфоэпии “Русская орфоэпия и ее задачи” Д.Н.Ушаков рассматривает под задачами орфоэпии не только теоретические проблемы данной науки, но и борьбу за сохранение орфоэпического наследия прошлого. В русле данных традиций находятся и труды Р.И.Аванесова, оставаясь по сей день основным справочным пособием по правильному произношению. В своей работе “Русское литературное произношение” Р.И.Аванесов писал: “...орфоэпия относится к сфере чисто практической, прикладной” [11, с. 18].

Традиционный взгляд на орфоэпию как на науку исключительно нормативную меняется в 60-е гг. Первую брешь в данном направлении пробил У.Лабов, одним из первых на практике доказавший тесную взаимосвязь социальных и языковых структур на примере изучения ряда произносительных форм у носителей английского языка в Нью-Йорке [7, 13]. Л.И.Прокопова подчеркивает, что современная фонетика обязана У.Лабову тем, что он ввел числовое измерение, т.н. переменные величины, для установления корреляции между языковыми и социальными структурами [12, с. 163].

По мнению У.Лабова, социофонетика расширяет взгляд на функции языка, концентрирует внимание на его социальном использовании и отвергает ограничения, накладываемые традиционной формальной лингвистикой на область изучаемых фактов и характер методов исследования [13, с. 320].

С начала 90-х годов в Киевском национальном университете им.Тараса Шевченко начинает формироваться собственная социолингвистическая школа, в рамках которой развивается и социофонетика. Основателями нового научного направления стали Ю.А.Жлуктенко, А.И.Чередниченко, Л.И.Прокопова, О.Е.Семенец. Л.И.Прокопова отмечает, что в дискуссиях о перспективах и основных направлениях развития литературной нормы неизбежно возникает вопрос о том, какой социолект или диалект оказывает решающее влияние на формирование орфоэпической нормы языка [12, с. 163].

Если в начале 20 столетия доминировал по сути младограмматический взгляд на язык - в языке все правильно, поскольку это результат исторического развития, то в 50-60 гг., после относительной стабилизации нормы, младограмматическое отношение к языку было преодолено и появилась возможность не только предписывать говорящим, как надо говорить, но и узнать у них, как они предпочитают говорить сами.

Значительный вклад в развитие социальной фонетики совершил М.В.Панов и его последователи. В учебнике по фонетике русского языка, изданного под редакцией М.В.Панова, рядом с разделом, посвященным орфоэпии, впервые появляется раздел социофонетики [14]. Новый подход был неизбежным следствием эволюции научных взглядов. Орфоэпия сближается на этом пути с социофонетикой и, по сути дела, стимулирует развитие последней. В определение орфоэпии вносится указание на ее не только прикладной характер: “Орфоэпия - наука, которая изучает варьирование произносительных норм литературного языка и вырабатывает произносительные рекомендации (орфоэпические правила)” [14, с. 195]. Первая часть этого определения относится к социофонетике, вторая - к традиционно понимаемой орфоэпии. Хотя эти науки находятся в тесной связи, в принципе они могут быть независимы друг от друга. Специалист в области социофонетики из своих наблюдений не обязательно делает выводы предписывающего характера, он может ограничиться констатацией того, что 30 % говорят так, а 70 % предпочитают иное произношение.

Социофонетика не всегда может дать ответ на вопрос: что нормативно, а что нет? Она только сообщает о степени распространенности явления. Однако кто сегодня решится объявить произношение [ˈmɛ:çn] (Mädchen) или [ˈmɛ:ʀçn] (Märchen) неправильным только на том основании, что так уже почти никто не говорит, отдавая предпочтение формам [ˈmɛ:çn] и [ˈmɛ:ʀçn]? Подобное произношение еще долгое время сохранится как допустимое, а статус гласного [ɛ:] будет и в будущем объектом научных дискуссий фонетистов.

Решение вопроса о том, соответствует ли произношение информанта стандартной речи или же находится за ее пределами, зависит часто от критериев нормативности произношения, а применительно к немецкому языку, и от степени распространения диалекта. Нередко распространение той или иной произносительной формы зависит также от принадлежности говорящих к разным поколениям. Понятно, что люди старшего поколения в Германии используют в своей речи те произносительные формы, которые были кодифицированы и представлены в словарях произношения до начала 80-х годов, то есть до времени издания новых словарей, включивших, благодаря исследованиям Г.Майнхольда, стилистические варианты произношения. Этим частично объясняется тот факт, что ряд инноваций в области произношения получает негативную субъективную оценку некоторых говорящих. С точки зрения социофонетики, можно предположить, что новые произносительные формы находятся в стадии развития, но с точки зрения орфоэпической нормы подобное произношение продолжает оставаться спорным.

Одну из попыток проверить методами социофонетики гармонию и законы орфоэпии сделала М.Л.Каленчук. В своей статье “О фонетической обусловленности и орфоэпической прикреплённости” автор не только представила картина состояния современного произношения, но и попыталась представить

те дополнительные факторы, которые оказывают влияние на реализацию фонем. В число таких факторов, по мнению М.Л.Каленчук, входят прикрепленность к определенной морфеме и к определенному слову, линейно-сегментные орфоэпические позиции, суперсегментные орфоэпические позиции, фразовые позиции и т.д. [15]. Многие факторы, представленные М.Л.Каленчук, не связаны напрямую с социальными причинами, а определяются скорее фонетической позицией. Следовательно, и сам термин “орфоэпический” довольно условный, поскольку аналогичные явления имеют место в диалектах и говорах.

Орфоэпия и социальная фонетика тесно связаны друг с другом, представляя собой взаимодействие фонетических законов и орфоэпических закономерностей. При этом фонетические законы носят директивный характер (например, твердый приступ начальных гласных и сильный отступ у кратких гласных в немецком языке). Орфоэпические же закономерности предполагают наличие нескольких возможностей ([^hkERtsɔ] - [^hkE(α)tsɔ]), а выбор того или иного варианта зависит от самых разных причин. Социальная природа подобных явлений состоит в том, что у говорящих появляется возможность принять или отвергнуть тот или иной произносительный вариант. В социолингвистике этот процесс носит название *социализация*.

В.К.Журавлев выделяет четыре этапа, которые проходит фонетическое изменение: 1) аллофонное варьирование; 2) фонологизация аллофонов, превращение их в самостоятельные фонемы; 3) морфонологизация; 4) социализация, то есть принятие или непринятие фонетической инновации коллективом говорящих [16, с. 210]. Классификация В.К.Журавлева разработана для диахронии, но может быть использована и при описании синхронии. При этом социализации могут быть подвергнуты все три этапа фонетических изменений, поскольку социализация – это не конечный результат развития фонетических изменений, а этап, параллельный всем этим процессам.

К спорным вопросам можно отнести проблему социализации на аллофонном уровне, так как аллофонное варьирование сознательно не регистрируется носителями языка, а то, что не осознается, не может быть предметом признания или непризнания. Тем не менее, социализация имеет место и в том случае, когда говорящие не отдают себе ясного отчета в том, что же собственно является объектом признания или непризнания.

Выводы. Социальную фонетику и орфоэпию объединяет интерес к говорящему на данном языке, при этом социальная фонетика стремится ответить на вопрос “как говорят”, а для орфоэпии важен ответ на вопрос “как нужно говорить”. Следовательно, социальная фонетика призвана, с одной стороны, опережать кодификацию, устанавливая степень распространенности того или иного произносительного явления, а с другой стороны, экспериментально проверить, насколько реальное произношение людей соответствует нормативным орфоэпическим правилам.

Неверно было бы полагать, что социофонетический аспект начинает в последнее время явно преобладать над собственно орфоэпическим. А.А.Соколянский полагает, например, что орфоэпия теряет свою практическую направленность, превращаясь в науку, обращенную не к тому, кто приобретает к литературному произношению, а к тому, кто им уже владеет [6]. Социофонетические наблюдения за реальным произношением говорящих и кодификация произношения на самом деле представляют собой составные части единого целого. Действительно, факты некодифицированного произношения нередко находятся вне понимания орфоэпии, а точнее вне понимания тех исследователей современного произношения, которые рассматривали и рассматривают орфоэпию в качестве незыблемого кодекса законов. В тех случаях, когда произносительные варианты уже подвергнуты кодификации, они признаются объектом орфоэпии (как произошло с первыми тремя стилистическими формальными уровнями произношения Г.Майнхольда). Если же эти варианты находились за пределами кодифицированной нормы, то они никогда прежде не учитывались орфоэпией. Может сложиться ложное впечатление, что четвертый стилистический формальный уровень произношения Г.Майнхольда (небрежная беседа в быстром темпе) располагается вне орфоэпических интересов и его необходимо изъять из исследовательской программы социофонетического исследования. Как раз наоборот, именно эти явления представляют собой особый интерес для исследователя, поскольку они нередко находятся еще в стадии интенсивного развития. В качестве главного доказательства можно сослаться на эволюцию немецкой произносительной нормы, начиная с 1898 года до наших дней. На это четко указывает и Г.Майнхольд в своем исследовании [2, с. 122]. Вопрос заключается лишь в том, в какой из стадий располагается произносительная форма - затухания или распространения? Ответ на него и предстоит найти социофонетике.

Источники и литература

2. Хомяков В.А. Социальные варианты речи в функциональной системе языка // Проблемы вариативности в германских языках. – М., 1988.
3. Meinhold G. Deutsche Standardsprache. Lautschwächungen und Formstufen. – Jena: Friedrich Schiller Universität, 1973. – 147 s.
4. Schindler F. Beiträge zur deutschen Hochlautung. – Hamburg, 1974.
5. Петренко А.Д. Методы социолингвистического изучения вариативности произношения // Изучение динамического аспекта сегментных и супraseгментных единиц звучащего текста. – Киев, 1988. – С.114–120; Петренко А.Д. Некоторые методические аспекты социофонетики // Дворжецкая М.П. и др. Методы экспериментально-фонетического исследования звучащей речи. Учебное пособие по теретической фонетике иностранных языков. – Киев, 1991. – С.17–30; Петренко А.Д., Исаев Э.Ш. Полустандартное интервью в социофонетическом исследовании // Четвертые Поливановские чтения. Сб. науч-

- ных статей. – Ч.2. – Смоленск, 1998. – С.95–100; Петренко А.Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии. – Дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.04. // – Киев, 1999 г. – 453 с.; Курченко Л.Н. Современные тенденции фонетической ассимиляции англоамериканских заимствований в студенческом социолекте немецкого языка (социолингвистический аспект). Дисс...канд. филол. наук: 10.02.04. – Киев, 1994; Исаев Е.Ш. Тенденції розвитку соціолекту школярів Німеччини // Вісник Київського державного лінгвістичного університету, Серія «Філологія». – Київ, 1997. – Вип. 3. – С.161–169.; Прокопова Л.І., Тоцька Н.І. Соціофонетичний нарис українського мовлення сучасної молоді // Мовознавство. – № 3. – Київ, 1990. – С.17; Прокопова Л.І. О фонетических стилях в немецком языке // Культура народов Причерноморья. – № 19. – Симферополь, 2001. – С.41–44.
6. Бухаров В.М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. – Н.Новгород, 1995. – 138 с.
 7. Соколянский А.А. Орфоэпия и социофонетика // Язык: изменчивость и постоянство. – Сборник статей. К 70-летию Л.Л.Касаткина. (Отв. ред. М.Л.Каленчук). – М., 1998.
 8. Лабов У. Единство социолингвистики // Социально-лингвистические исследования. – М.: Наука, 1976. – 232 с.
 9. Gauchat L. L'unité phonétique dans le patois d'une commune. // Aus romanischen Sprachen und Literaturen: Festschrift Heinrich Morf. – Halle, 1905.
 10. Hermann E. Lautveränderungen in der Individualsprache einer Mundart // Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen phil. - his. KL. 1929. – V. 11.
 11. Чернышев В.И. Законы и правила русского произношения // Избранные труды. – В 2-х т. – Т.1. – М., 1970.
 12. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. – 6-е изд. – М., 1984.
 13. Прокопова Л.І. Соціолект школярів і німецька літературна вимова // Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. – К.: Довіра, 1995. – С.163–168;
 14. Labov W. Sociolinguistic Approach to the Problem of Normalisation // Proceedings on the Ninth International Congress of Phonetic Sciences. – Copenhagen. – V.1, 1979. – P. 441.
 15. Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. – М.: Высшая школа, 1979. – 241 с.
 16. Каленчук М.Л. О фонетической обусловленности и орфоэпической прикреплённости // Проблемы фонетики. – I. Сб. статей. – М., 1993.
 17. Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л., 1974.

Кислицына Н.Н.

АНТРОПОЦЕНТРИЧНЫЙ ПОДХОД В ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Проведение исследований в области лексической семантики часто приводит к необходимости определения общенаучного понятия – антропоцентричный подход (АП). История становления термина антропоцентризм в лингвистике представляет определенный интерес, т. к., с одной стороны, отражает эволюцию отношения человека/общества к окружающему миру, с другой стороны, выявляет проблему патологических изменений в системе «общество – человек – природа».

Дефиниция данного термина развернуто и последовательно дается в одноименной статье В.М. Алпатова, в которой автор анализирует соотношение антропоцентричного и системоцентричного подходов [1, с.15–26]. Позволим себе суммировать некоторые базовые положения относительно первого:

- основной вопрос, который решает исследователь при антропоцентричном подходе – какие свойства имеют те или иные единицы языка (характеристика значения слова, его отличия от близких по смыслу, но не тождественных слов);
- антропоцентричные «определения» частей речи целиком семантически, либо включают семантический компонент (предметность для существительного, качественное значение для прилагательного и т.д.);
- антропоцентризм соотносится с языковым чутьем, представлениями, точкой зрения (позицией), ассоциациями, лингвистической интуицией носителя языка;
- антропоцентричный подход исторически первичен по отношению к системоцентричному;
- недостатком антропоцентричного подхода являются невозможность принципиальной проверки результатов исследования, а также неадекватность конечных итогов, решений антропоцентрических исследований, выполненных в рамках разных лингвистических традиций.

Таким образом, отмечает автор, «говоря о двух подходах (антропоцентричном и системоцентричном – вставка наша. – Н.К.), мы имеем дело с фундаментальным принципом дополнительности» [1].

Показательно то, что многие ученые, придерживавшиеся определенных направлений в лингвистике, критически высказывались об АП. Так, И.А. Бодуэн де Куртене известный сторонник психологизма в языкознании, апеллировавший к «языковому чутью» («Сущность человеческого языка исключительно психическая. Существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами») призывал к «искоренению предрассудка, называемого антропоцентризмом (разрядка наша. – Н.К.)» [4, с.143–202]. Негативное отношение к антропоцентризму прослеживается и у Леонарда Блумфильда [3]. Почему ученые, признававшие психическую природу языка, его тесную взаимосвязь с человеком и социумом, так последовательно отвергали антропоцентризм? Видятся, по крайней мере, две возможные причины этого неприятия. Во-первых, психологический подход того времени основывался более всего на индивидуальной пси-